

Сергей СОЛОУХ

СПАСИБО НЕ СКАЖЕТ НИКТО

История француза, которого звал своим другом царь Николай Второй, генерала, спасшего во время русской Гражданской чехословацкую армию и оказавшегося литературным персонажем романа Марселя Пруста

I

У генерала чешский конвой.

«Всегда бывал с нами ласков и разговаривал с улыбкой, а братьев, стоящих в карауле, часто одаривал сигаретами или шоколадом. Обыкновенно просто совал в карман или в патронташ. И мы, конечно, старались отплатить ему за доброту усердным несением службы, и отношения между нами, действительно, были братскими. А говорил он с нами по-русски, лишь изредка, вставляя в речь короткие фразы на чешском с французским акцентом»¹.

Генерал всегда в светлом. На старых черно-белых фотографиях весны 1919-го, где всё лишь оттенки невесомости неба и тяжести сибирской земли, сукно его французского френча кажется легким и праздничным в окружении будничного. Английского, русского, японского. Высокое и светлое, да, тоже светлое, форменное кепи, широкий окольш, создают еще и оптическую иллюзию высоты на фоне тогдашних общевоинских фуражек с плоскими полевыми тульями. На самом же деле генерал ростом особо не вышел, и должен усиливать иллюзию если не превосходства, то равенства еще и высокими каблучками. Сапог или ботинок.

Впрочем, снимков той омской весны, на которых генерал в полный рост, совсем мало. Может быть, и вовсе один. Какое-то торжество. Колчак со штабом. Все верхом. Генерал пеший, среди почетных гостей. И вид на его ноги, ботинки или же сапоги, закрывает собака. Белая, уличная, похожая на большого нечесаного шпица-самоеда. Именно так, сабли, погоны. Наверное, оркестр. Трубы трубят, ухают барабаны, а в центре кабысдох. Кого-то ищет. Омск. 1919.

Зато сохранился снимок зимы 1916-го. Могилев. Местопребывания Ставки Верховного главнокомандующего русской армией. Здесь подолгу живет царь Николай. Один или с семьей. Генерал запечатлен у входа в гостиницу «Бристоль», что дружно делят представители разнообразных иностранных военных миссий при русской Ставке. Генерал – посланец союзной Франции в длинной, строгой шинели с меховым воротником и столь же суровой, высокой русской папахе. Зато на ногах шегольские ботиночки со шпорами и высокими дамскими каблучками. Блестят сквозь века.

Но вернемся в Омск 1919-го и продолжим цитировать воспоминания Фердинанда Филачека, ефрейтора из взвода личной охраны, конвоя генерала Мориса Жанена:

«Генерал со своим штабом располагался на втором этаже, на третьем – канцелярия, а наш взвод охраны в полуподвале, прямо под квартирой и рабочим кабинетом генерала».

Счет этажей странный и непривычный, потому что чешский. Русский человек сказал бы, что дом, вообще, двухэтажный, но на высоком жилом цоколе. Впрочем, не это, безусловно, главное.

¹ Filáček, F. Zápisky legionáře Ferdinanda Filáčka: Gen. Janin. s.7. <https://adoc.pub/zapisky-legionaeferdinanda-filaka.html>. Здесь и далее все переводы мои, если нет иного указания. С.С.

А то, что дом до сих пор стоит. На углу улиц 10 лет Октября и 30 лет ВЛКСМ. В том самом районе Омска, где дореволюционного вообще нет ничего. Ни духа, ни домов, ни названий улиц. Либо малометражные хрущевки, либо сталинки с заоблачными потолками, либо черт-те что времен постперестройки.

И тем не менее. Среди всей этой современности той или иной степени свежести иное. Доходный дом Н.А. Гутермахера и Ф.Я. Лермана. Стиль модерн. С маленькими, но кокетливыми башенками на углах-крыльях корабельного фасада. Год постройки 1910. Некогда угол улиц Думской и Кокуйской.

Впрочем, в воспоминаниях его обитателей времен гражданской это просто «дом на Кокуйской». Что объяснить легко и просто. Вход в помещение французской военной миссии находился со стороны именно этой улицы. Кокуйской. Ныне 30 лет ВЛКСМ. Высокое, полуметровой высоты крыльцо с лесенкой и перилами. И дверь. Сейчас над ней большое красное сердечко. И надпись «Мужской клуб ЖАРА».

Конкретное и совершенно очевидное подтверждение того, что смысловое наполнение определения «мужской», спектр, освящающих его понятий и составляющих, за пробежавшие сто лет явно сместился от возвышенного, рыцарского и галантного, к вполне себе земному, физиологическому и копечному.

Но и это напоминание вечным не будет. Газеты уже объявили, что муниципальные власти Омска продают дом на улице 30 лет ВЛКСМ. Памятник градостроительства и архитектуры (регионального значения). Который по этой банальной, административно-правовой причине попросту взять и снести нельзя. Дом будет стоять. Придет лишь новый собственник или же арендатор. Повесит другую вывеску. Откроет иные смыслы и горизонты. Иной свет бросит на башенки. Пилястры, русты и консоли стиля модерн.

Попробуем и мы. Поговорим о верности.

II

Генерал – патриот и монархист. Эта социально-политическая, а равно и морально-этическая пара определила его систему личных обязательств и привязанности. Одну – вполне предсказуемую, понятную и объяснимую. Русский царь. Николай Романов. Николай Александрович. И вторую, на первый взгляд ничем разумным не мотивированную. Очень и очень странную для французца. Чехи. Но это лишь на первый взгляд. Всеведущий и потому пренебрежительный взрослого, рационального, вооруженного и знаниями, и логикой человека. Все не так видят глаза, но главное ощущает сердце, что бьется в груди девятилетнего ребенка.

«В 1871 голос Чешского Сейма был единственным во всей Европе, что прозвучал в защиту Франции, и мне не забыть никогда того впечатления, какое на меня, тогда еще мальчишку, оказавшегося на земле захваченного врагом Эльзаса, произвел этот дружественный шаг, когда я о нем узнал»¹.

Такую запись сделал уже взрослый человек, генерал Жанен в своем дневнике 17-го августа 1916, вспомнил об очень трогательном, когда в Могилеве к нему впервые обратились с просьбой стать командующим чешским воинским соединением. Попросил Дюрих и его товарищи по национально-освободительной борьбе той поры Штафл и Штерн. Речь шла о создании добровольческих подразделений из числа взятых в России австрийских военнопленных, чехов и словаков, готовых отправиться воевать на Западный фронт. Во Францию. Это казалось очень важным тогдашним борцам за независимость чехов и словаков, воевать за нее не только в России, на Восточном фронте, где уже два года чешские добровольцы сражались в составе Чешской дружины, подразделения русской армии, но и на другой стороне клещей Антанты, сжимавших и не выпускавших из своей интернациональной пасти врагов, Германию и Австро-Венгрию.

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji za svobodu. Praha: J. Otto, 1926, s. 11.

А что казалось важным генералу? Генералу, согретому когда-то, еще в мальчишескую пору, чувством родства. Таким необходимым именно в годы взросления. Сознанием того, что не брошен. Ни ты сам, ни твоя родина. Не сироты. Стоит лишь руку протянуть и ощутишь тепло. Наверное, это и было важным. Главным, решающим. Возможность именно так сейчас и сделать. Протянуть руку. Вернуть самый бесценный и дорогой долг на белом свете. Детский.

Так он и поступил. Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен.

III

Ощущал ли себя брошенным другой мальчик? Сиротой? И самого себя, и свою родину? Ровесник младшего сына генерала Жанена? Эдуарда?

Цесаревич Алексей. Алексей Николаевич Романов. В 1918-м? В Тобольске? В Екатеринбурге?

Мы можем только догадываться. Сохранился каким-то чудом дневник. Ежедневник на 1917-й год в красивом, шелком оклеенном переплете с золотым тиснением, подаренный мамой, императрицей, мамá. Сыну, наследнику престола. И в этой тетрадке, среди бесконечных записей о том, как Алексей играл (в карты с мамá, на палубе с детьми машинистов, с сестрой Машей) или гулял, пил чай, грузил с отцом дрова, есть одна необыкновенно трогательная и поэтическая. 5 августа 1917-го.

«Вечером “Русь” пристала к берегу; гулял, собирал цветы»¹.

Можно подумать о чем-нибудь прекрасном, если не знать, забыть, что речь идет всего лишь навсего о пароходе. Пароходе, который вез семью Романовых в Тобольск. Да, берег сибирский, не Зурбаган. Цветы таежные. И паруса не алые.

В марте 1917-го генерал позволил себе нечто очень близкое к бестактности, да просто отсутствие всякой положенной ему дипломатической вежливости и деликатности. При последней встрече с отрекшимся уже русским императором. В Могилеве. Жанен дал Николаю II совет. Гражданину новой России Николаю Александровичу Романову, собиравшемуся вернуться к семье в Царское село и приглашавшего генерала, с общим приятелем, бельгийским военным посланником Рикелем, неделки через две-три туда заехать, навестить по-дружески.

«Я ему сказал с горячностью, едва ли не со слезами на глазах, потому что был крайне обеспокоен подобной слепотой [государя], что это невозможно будет сделать. Ему нужно покинуть Россию, и как можно быстрее. Никто просто не знает, будет ли это возможно позднее, и что вообще может произойти. У нас, французов, поверьте, большой опыт по части революций.

– А вы не думаете, что может быть лучше уехать на юг России?

В ответ я еще раз стал упрашивать его покинуть страну и незамедлительно, пока это еще можно сделать.

– Вы в самом деле полагаете, что надо?»²

Да, генерал полагал, он был абсолютно уверен, что надо. Необходимо. И говорил об этом пусть и низложенному, но русскому царю, не как французский офицер, глава военной миссии страны-союзника, а как друг. Друг в самом обычном бытовом и будничном значении этого слова. Любящий. Душой и сердцем привязанный человек.

Потом эту дружбу с русским «сатрапом», ограниченным самодержцем и заскорузлым консерватором, которого отказались принять все передовые и просвещенные страны мира, включая монархическую Англию, где правил не только лишь прогресс, но и брат, двоюродный брат Николая II, король Георг V, генералу Жанену припомнят не один раз и в самых разных обстоятельствах. Реакция на них будет неизменно всех степеней предвзятости или нелепости.

¹ <https://www.librapress.ru/2017/01/Dnevnik-Cesarevicha-Alekseja-Nikolaevicha-za-1917-god.html>

² Janin, M. En mission dans la Russie en guerre (1916-1917): Le journal inédit du général Janin. L'Harmattan. Paris. 2015. P. 120.

Из которых самым курьезным и смешным кажется абсурд риторики парламентариев, пытавшихся в 1919-м поддерживать адмирала Колчака, сибирского правителя России, каждый со своей стороны Ла-Манша по-своему:

«Была, конечно, бесконечная красота, в перспективе... после того, как как меня объявили во французской Палате депутатов гнусным реакционером и другом Николая II, оказаться уже в английской Палате общин защитником самых опасных революционеров»¹.

Приязнь и взаимное расположение между французским офицером и русским императором возникли, как не без основания полагают историки, во время недельного визита царя во Францию в октябре 1896 года, когда капитан генерального штаба Жанен был назначен личным адъютантом Николая II. Молодой человек, француз, сумевший к тому моменту уже освоить русский язык. Почему и для чего? Многолетний русско-германский альянс начал разваливаться еще при Бисмарке и совсем распался с восхождением в 1888 на немецкий престол императора Вильгельма II. Шанс привлечь Россию на сторону Франции с тех пор был как никогда реален.

«Об этом мечтал Наполеон, не пришло ли время реализации его мечты?»² – написал автор недавнего предисловия к мемуарам генерала Жанена, офицер, дипломат и военный историк Раймон Нуланс. Да, мечта. О русско-французском братстве, союзе и альянсе. Которая не оставляла генерала и патриота никогда, даже в минуты сентиментальные и нежные, когда он видел в цесаревиче ребенка, похожего на его собственного сына, Эдуарда. Оставшегося где-то далеко... далеко на западе.

«Меня занимал мальчик, потому что у меня был сын такого же возраста, а еще, признаюсь, потому что мне казалось, будет неплохо, если, однажды став императором, он сохранит память о том, что в детстве у него был другом французский генерал»³.

Думал ли двенадцатилетний подросток, Алексей, о родине, или о жизни и судьбе, в моменты, когда приглашал визитеров своего отца, императора Николая II, поиграть в войну, мы не знаем, но совершенно точно, что на задор и озорство цесаревича нельзя было не отозваться:

«Он проявлял к Рикелю и ко мне особую приязнь и всегда звал нас Мамаша (так Рикеля за его грузность), а меня Папаша»⁴, – однажды расскажет генерал, вспоминая послеобеденные часы, проведенные в могилевской резиденции русского царя.

Не отозваться, не отреагировать... тем же задором и озорством... Два генерала, бельгиец Рикель и француз Жанен, Мамаша и Папаша, вовлекали сына русского царя в старую армейскую потеху, традицию, которую с любовью хранят и передают от поколения к поколению курсанты главного военного училища Франции Сен-Сира – перемешать на вешалке все форменные шапки. Соорудить «la salade de kéris»⁵. Армейский винегрет. Все цвета в гости к нам, но только задом наперед.

Царь Николай II находил саму мысль об этом, не говоря уже о собственно забаве в гардеробной Ставки, «antipédagogiques»⁶. Возможно, русский государь помнил, к чему такие вольности юности позднее привели одного из самых знаменитых в России выпускников Сен-Сира. Жоржа Дантеса.

Николай II предпочитал, чтобы отношения французского генерала и русского цесаревича, оставаясь самими приятельскими и сердечными, были бы более церемониальными. Держались в рамках всех положенных приличий и обычаев. Поэтому он мог сказать после вечернего совещания прощавшемуся с ним самым последним Жанену:

¹ Janin, M. Ma mission en Sibérie 1918-1920: avec deux croquis. Paris: Payot, 1933, p. 139.

² Janin, M. En mission... p.13.

³ Там же. P. 48.

⁴ Там же. P. 48.

⁵ Там же. P. 61.

⁶ Там же. P. 61.

«А вы, прежде чем уйти домой, зайдите пожелать спокойной ночи Алексею, он будет очень рад вам сказать bonsoir»¹.

Спальня сына располагалась рядом с кабинетом императора. Зайти и пожелать уже лежавшему в кровати мальчику «спокойной ночи» было совсем простым делом. Да и приятным, несомненно. Декабрь 1916-го. Думали ли тогда царь, сын его Алексей, французский генерал Жанен, что до «прощай» осталось не больше пары месяцев?

IV

Генерал, вне всякого сомнения, беду предчувствовал.

«В самом окружении царя были те, кто ощущали приближение революции и говорили мне об этом. Я и сам ощущал эту нависшую опасность уже несколько лет»².

Но ему не верили. Попросту не верили. Прежде всего во Франции. На родине, которую он так любил.

«Мои выводы основывались на знании России с точки зрения исторической и социологической, и не имели никакого отношения к моим политическим симпатиям. Но из-за того, что сам царь Николай II публично называл меня своим другом, обо мне во Франции сложилось представление как о прожженном реакционере, полном контрреволюционных предрассудков, и потому никто не хотел верить, когда я говорил о том, что будущее вызывает у меня беспокойство, так было в декабре 1916-го, и позже уже в конце мая 1917-го»³.

Никто не хотел верить. Ни в приближение революции. Ни в развал Восточного фронта и самой русской армии, которые этот прекрасный свежий ветер перемен, а так же «свобода, равенство и братство» неизбежно с собою принесут.

Не верили из предубеждений, полагал генерал. Из ложных представлений о его чести и достоинстве. Искренности и непредвзятости. А между тем, возможно, все было куда проще. Не в дружбе с Николаем-красавым дело. Не в играх с его сыном. Иначе почему всё то же «не верят, не слушают» останется отчетливо звучащим лейтмотивом в дневниковых записях Жанена и тогда, когда уже давно все было кончено в доме Ипатьева? Во времена Верховного правителя России Колчака? В 1919-м?

«...что лишь показывает, с какой степенью внимания они читают мои телеграммы, которые должны были бы им открыть глаза...»⁴

«...просто ужасно видеть эту самоуверенность, которую ничем нельзя одолеть, ни телеграммами, ни рапортами, что я им шлю и шлю»⁵

Возможно, предположим, эти вечно закрытые глаза и заткнутые уши – естественное и вполне предсказуемое следствие всего лишь того, что генерал был классическим военным. Человеком прямолинейным и прямодушным по определению. Попросту честным. Не думающим, вообще, о конъюнктуре и комильфо момента. Он ведь в Сен-Сире научился не только кепи и фуражки перемешивать, но и кое-каким словам, которые до сей поры издатели его оригинальных воспоминаний, а равно и переводов на чешский или русский, дают с отточьями. Или же вовсе опускают.

«ce qui me tourmente c'est que Plon est trop chaste pour admettre gавно не тонет»

что мне не дает покоя, так это то, что Плон слишком благопристоен, чтобы признать gавно не тонет»⁶

¹ Там же. P. 90.

² Janin, M. *Moje účast na československém boji...* s.32.

³ Там же. S. 51.

⁴ Там же. S. 253.

⁵ Там же. S. 278.

⁶ Письмо от 20/11/1928. Bibliothèque municipale de Dijon. Fonds Jules Legras. Ms 4100/1. 1921-1931. 43 lettres. 99 p. Фактическое «со слуха» написание русских слов оригинала сохранено.

Однажды, уже дома во Франции, спустя десятилетие после завершения своей и русской, и сибирской эпопеи, пожалуется генерал товарищу и другу, офицеру, профессору и слависту Жюлю Легра.

Что же, там, где вольное издательство Плон, литературное, публиковавшее и Грэма Грина, и Джека Лондона, пасовало, как реагировать могли связанные разными общественными присягами и клятвами министры или депутаты? Можно себе представить. Даже если, в отличие от личных записей и писем, генерал и выбирал слова и выражения для официальных сообщений исключительно парламентские.

V

Между тем в нашем повествовании эти слова из неуставного, но общевоинского лексикона как никогда к месту. Ведь мы ведем рассказ о верности. И чести. В те самые моменты истории, которые по праву очень верно называют роковыми. Такие, как, например, февраль 1917-го. В Петрограде.

«Войска объявили о лояльности Думе, и точно так же повел себя и Балтийский флот. Великий князь Кирилл рано утром сам явился [в Думу], чтобы заявить и о своей [лояльности]. Такое поведение особого удивления не вызвало, а лишь напомнило безжалостные слова [генерала] Драгомирова, сказанные им после подрыва [броненосца] “Петропавловск” вблизи Порт-Артура»¹.

И вот тут-то в книге воспоминаний генерала Жанена и следует сноска, замечание по поводу счастливого спасения после двух страшных и практически одномоментных взрывов в ужасный для русского флота день 31 марта 1904-го полсотни с небольшим матросов и офицеров из общего числа в едва ли не семьсот человек экипажа флагманского броненосца:

«Кое-кто считал чудом спасение сброшенного после взрыва в воду великого князя находившимся поблизости малым кораблем. “С чего бы, – отозвался Драгомиров, на это объяснение, – все в соответствии с законами природы, г...”»

Да, они такие... Законы природы. Естественные. Щадят обычно не того, кто красив душой и телом. И бел. Буквально. Ну, или с небольшими пятнышками. Как корабельный пес. Любимец экипажа. Еще одна дворняга в нашей истории, кабысдох. Но не анонимный. Собака с красивым прозвищем Манза. По виду не очень крупный, гладкошерстый терьер из тех, с которыми ходят на мелких норных.

На фотографии, всех тонов подлинного серого, походного, морского, настоящего, лежит на юте «Петропавловска» под длинными стволами пушек главного калибра. В кильватере один за другим следуют «Полтава», «Севастополь» и «Пересвет»².

Манза остался со своими. С матросами и офицерами русского броненосца. С адмиралом Макаровым и художником Верещагиным. Ушел на дно Желтого моря.

В бою это удается. Естественно и просто. Остаться со своими. Навсегда. А в жизни повседневной редко. Очень редко. И счастлив тот, у кого своих как пальцев на руке. Не один. У такого больше шансов не разлучиться. Хоть с кем-то соединиться навсегда.

VI

Рука – еще один прекрасный образ в разговоре о верности и долге. Без нее невозможны ни клятва, ни рукопожатие. Именно руку протягивают навстречу, когда требуется помощь. Рукою разламывают последний кусок хлеба напополам. И разливают поровну оставшуюся воду.

¹ Janin, M. En mission... p.115.

² [https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA_\(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86\)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Yut_Eskadrennogo_bronenostsa_Petropavlovsk_Sudovoy_pesik_Manza_\(pogib_vmeste_s_bronenostem\)_V_kilvatere_idut_Poltava_Sevastopol_i_Peresvet.jpg](https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B5%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%BF%D0%B0%D0%B2%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D1%81%D0%BA_(%D0%B1%D1%80%D0%BE%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%81%D0%B5%D1%86)#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:Yut_Eskadrennogo_bronenostsa_Petropavlovsk_Sudovoy_pesik_Manza_(pogib_vmeste_s_bronenostem)_V_kilvatere_idut_Poltava_Sevastopol_i_Peresvet.jpg)

В августе 1916-го, в Могилеве, когда с генералом впервые заговорили чехи о возможности совместной борьбы против тевтонов, когда всколыхнули в самой глубине его души детские трогательные воспоминания о «своих», далеких, но родных, оказывается, славянах, чехах и словаках, зажатых со всех сторон враждебными германцами и венграми в самом центре Европы, он протянул руку. Пользуясь своим положением «друга» не только царя, но и генерала Алексеева, начальника русского генерального штаба, да и многих других офицеров, чиновников или же людей императорского двора, генерал Жанен использовал все имевшиеся у него в России и связи, и влияние для того, чтобы те, кто хочет с оружием в руках бороться за свободу и независимость своей родины, могли это сделать. Нашли свое место если и не Западном фронте великой мировой войны, то на Восточном. И все это абсолютно бескорыстно. Помогал и русским чехам под водительством Дюриха и Вондрака, и тем, что приезжали издалека или же продолжали трудиться вдалеке, Штефанику с Масариком, при этом не думая и не помышляя ни о каких постах и должностях, предложенных, может быть, с хитрым расчетом или же из простой любезности. С той же самой теплотой и чувством правильности и целесообразности помогал чехам и словакам, с какой помогал совсем уже родным. Военнопленным, мобилизованным из оккупированных немцами уже сорок лет Эльзаса и Лотарингии, вернуться в строй на нужной стороне.

И можно представить, как генерала радовал рост. Набиравшая мощь сила. То, что, начавшись летом 1914-го как чешская добровольческая Дружина в России, батальон по сути дела, и представлявшее собой к моменту приезда генерала в Россию уже кое-что побольше, бригаду – пару полков, буквально на глазах, стремительно, всего лишь за год с небольшим, и только-то, окажется дивизией, а затем и целым корпусом. Армейским корпусом! Все также добровольческим.

Старались многие, сотни людей работали ради этого, пробивали стену и недоверия, и подозрения. Предрассудков и предубеждений. И днем, и ночью. Прежде всего чехов, словаков. Но нет сомнения, и французу, генералу, в общем ряду всех постаравшихся, приятно было осознавать, что и его капля, одна из многих, весомых и значимых, точила камень. Вела к победе. Веры, достоинства, и чести. Армейский корпус – восемь стрелковых полков и полк артиллерии. Почти сорок тысяч человек личного состава к декабрю 1917-го.

Другое дело, мог ли себе представить генерал, что в один прекрасный день вся эта мощь и сила будет отдана ему? Целиком и полностью. В действительности перейдет под его командование? И он сам, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, станет под чешские знамена? И это... не что-нибудь, а именно это... вернет его в Россию?

Но так оно и вышло.

Однажды генерал протянул руку. Теперь же, согласно всем законам галантности и благородства, руку протягивали уже ему.

VII

Под осень 1917-го, после полутора лет в русской Ставке, генерала отзывают во Францию. Меняют на человека, всю жизнь провоевавшего в Африке. Славой покрывшего себя в песках Алжира и горах Марокко. Анри Альбера Нисселя. Впрочем, тоже выпускника Сен-Сира. Прекрасно знавшего, что надо делать с фуражками и кепи на вешалке после веселого обеда. Но вот что делать в России после социальных потрясений и переворотов – едва ли. Особенно, если тут раньше не бывал. И русским не владеешь, не понимаешь и не будешь. Но все суммируя, есть стопроцентная гарантия, что совершенно точно не станешь утомлять министров и депутатов суждениями сродни такому:

«Спустя три дня произошла русская Революция [Февральская]. И поскольку я давно предвидел такой поворот дела, удивительным оказалась не она сама, а то неприятное чувство, которое всегда испытывает человек, ждущий беды, но верящий при этом, что худшее все же не случится, а что до прочего, еще в 1913-м после года, проведенного в Военной Академии [Николаевской в Петербурге], я подал во Франции рапорт Генеральному штабу о том, что война вызовет в России

революцию, которая повергнет в хаос империю и сделает ее неспособной к продолжению сражения»¹.

VIII

Путь в северные русские порты, Мурманск и Архангельск, проходит через Петроград. Столицу. Генерал прибыл сюда из Могилева первого ноября 1917-го, чтобы стать невольным свидетелем уже большевистского переворота. Революции, которую позднее будут величать торжественно Великой Октябрьской. Генерал окажется в самой непосредственной близости от той точки, где раз в столетие или два можно услышать скрип осей мира. Самого механизма истории. Его могучие колеса провернулись. И полетели и страны, и народы вверх тормашками.

Вечер седьмого, последний перед поездом на север, перед отбытием домой, в Европу, генерал провел в гостях у французского предпринимателя, друга России и неформального промышленного посла Франции, Пьера Дарси. Одного из первых, кто станет жертвой грядущего большевистского террора. Рядом с Зимним. В доме на Дворцовой набережной. И выстрел «Авроры» грохнул буквально за окном той самой комнаты, где подавали ужин.

Но описание произошедшего генерал оставил очень лаконичное и будничное:

«Начиная с девяти часов вечера, до нас стали доноситься звуки оживленной ружейной стрельбы у дворца, по временам выстрелы с одиночных переходили на залпы и вступали пулеметы. На Неве, с северной стороны, работала артиллерия, и мы видели вспышки орудийный выстрелов (позднее я узнал, что это была «Аврора» и два торпедных катера, которые пришли из Кронштадта, чтобы помочь большевикам). Около одиннадцати мы услышали стук в окно. Это были Капель и подполковник Обле, которым удалось без всяких происшествий прийти к нам по набережной Невы от Исаакиевского собора. Таким образом, окружение не было сплошным, либо сами линии атакующих с этой стороны достаточно плотными»².

Отчет офицера. Всего лишь. Военного человека, для которого Россия перестала существовать с февраля. Исчезла. Как сторона великого мирового конфликта. Ноябрь 1917-го уже ничего не значащая деталь, по крайней мере, в эту войну. Так... какие-то случайные бои и перестрелки сугубо местного значения.

IX

И снова время фотографии. Цветной. Естественно, Париж! Где между рю Риволи и бульваром Сен-Жермен, по обе стороны от вечно текущей под сенью платанов и каштанов Сены, все меняется гораздо медленнее, чем между Большой Якиманкой и Остоженкой или Седьмой и Пятой авеню. А значит, на современной фотографии можно увидеть практически все то же, что и на снимке столетней давности. За минусом деталей.

Итак, улица Бонапарта, 18. Да, император Наполеон всякий раз, как чертик из табакерки, является в нашем повествовании, когда заходит речь об интересах Франции. Но это ложный след здесь, в нашем рассказе о генерале Пьере Тьебо Шарле Морисе Жанене. Очень любившем, что правда, цитировать, когда и вовремя, и к месту, бессмертные максимы и афоризмы французского полководца и императора. Однако дело не в патриотизме и не в любви к монархической форме государственного правления, а в чистой прагматике. Столь же принципиально важной и многое, если не все, определяющей в мировоззренческой системе французского офицера, на равных правах и с честью, и с достоинством, и с долгом...

Нечто базовое, а вовсе не какая-нибудь мелочь, пустяк, деталь, чаще всего анекдотическая, походя упомянутая. Отличающая, ну, например, фасад дома в самом сердце Парижа, на рю Бона-

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 50

² Janin, M. En mission... p.242

парт, его снимок столетней давности от современного. Черно-белый от цветного. Хотя и тут не без прагматики, но, надо признать, уж совсем мелкого, буквально кухонно-сантехнического пошиба... Три широких дверных проема и над ними три арочных окна. Сто лет назад справа и слева от центрального проема фактически двустворчатых ворот в закрытый четырехугольный двор, были два магазинчика, две лавочки с выступающими деревянными витринами, типичными парижским выставочными эркерами. Их больше нет, снесены. Открылись стены. Давно уже. После Второй мировой. Светло-серые русты. На тех, что слева от оси ворот заметен выцветший квадрат. Здесь долгое время, два десятка лет, с 1997-го по 2016-й, провисела памятная доска из белого матового металла с крупными, выбитыми на совесть и хорошо читавшимися даже с тротуара на противоположной стороне улицы буквами.

«Ici en 1916 le gouvernement provisoire tchecoslovaque établit son siège sous la présidence de T. G. Masaryk»

«Здесь в 1916 г. разместилось временное чехословацкое правительство под председательством Т. Г. Масарика».

Теперь доска другая, из деликатности пониже выцветшего квадрата, следа от старой, но зато вся в блеске золота, с мелкими-мелкими каракулями, уместными скорее при юбилейной гравировке портсигара или часов с цепочкой. Прочсть решительно ничего невозможно. Только нос к носу и в очках. Но зато ныне на двух языках. Не только на французском, но и на чешском. В два раза больше слов. И главное, в хороший солнечный день блестит издалека. Сияет. Красота. Не то что было раньше. Такие плюсы, такое бухгалтерское тщеславие и политико-экономическая целесообразность.

И с этой целесообразностью суетливой повседневности не имеет ничего общего целесообразность генерала. Расчет, холодный и осознанный, военного человека. В рамках и с точки зрения которого Наполеон вполне целесообразен. Верен. Толковый и лишенный сантиментов командир. Пример для подражания. А вот Колчак нет. Бессмысленен, как с точки зрения тактической, так и со стратегической. Да, и исторической. В корне ошибочен, со всей своею не прагматикой, а жертвенностью. Эмоциями.

Это для русского человека очень непривычный взгляд на вещи. Человека откровения и чувства. Для которого геройство и жизнь – естественные, неразделимые синонимы. А вот мысль о том, что подвиг должен быть полезен и уместен, то есть целесообразен и, главное, своевременен, такая мысль плохо... очень плохо сочетается с концепцией России – Третьего Рима, а четвертого, конечно же, не будет (сразу уж царство Божье)... зато очень хорошо с прагматикой Третьей Французской Республики. Да и, вообще, страны, где основа основ – не молитва и надежда, а хорошо продуманный и всеми соблюдаемый общественный договор.

Х

С Третьей Французской Республикой также хорошо сочетается, по крайней мере видится логичной и вытекающей из исторического контекста, да и военного, вне всякого сомнения, еще одна особенность генерала Пьера Тьебо Шарля Мориса Жанена. Он ксенофоб.

Генерал никогда не забудет прибавить к описанию любого в своих записках, ну, и конечно... конечно, в письмах – поляк, румын, мадьяр, немец, еврей, серб, русский. Но главное, оно же связанное и обусловленное. Как всякий настоящий ксенофоб, цельный и непреклонный, генерал верит в заговор. Щупальца, приникшие везде и всюду. Тевтонские.

Германофил, германофилия, германофильский – любимое клеймо генерала. Это и начало цепочки анализа событий и явлений, а также и завершение, закономерный вывод. Как правило. Даже и тогда, когда немецкий фактор, если и присутствовал в атмосфере события или происшествия, то в виде чего-то ну совсем уже эфемерного. Навроде следов «кокоса, арахиса, банана и фейхоа», о которых ныне упоминает пугливый производитель на пачке ядерных, один к одному,

орешков фундука. Ну, например, вот так генералу Жанену видятся мотивы противодействия русских чиновников миссии чешского патриота Йозефа Дюриха:

«Были откровенные германофилы, подкупленные в той или иной степени агентами Центральных держав, или же попросту люди, считавшие военнопленных русской собственностью, в особенности если речь шла о славянах. Подобных буквально начинало трясти от одной лишь мысли, что чехи вдруг окажутся на французском фронте. Дескать, этих и без того слишком уже испортила западная культура...»¹

Между тем главным, преобладающим в тогдашнем отношении к австрийским военнопленным-добровольцам в России, наверное, все же было иное.

«Предали своего императора, предадут и нашего», – так, согласно известному апокрифу, однажды красиво и лаконично выразил общее мнение в ту пору русский офицер, шведский барон Маннергейм. Вот он, статный красавец, на старой открытке. 1896 год. «Кавалергард Маннергейм (четвёртый справа от Государя) в почётном карауле лейб-гвардии Кавалергардского полка при коронации Николая Второго»².

Припечатал чехов. Указал их место. Что не помешало ему самому, Карлу Густаву Эмилю, время придет, наступит 1917-й, спокойно забыть, поставить крест на русском императоре. На Николае Втором. Человеке, которому шведский барон, как русский офицер-гвардеец, однажды давал клятву верности. Вечной.

Забыть и стать финским маршалом. И даже президентом свободной и независимой Финляндии.

Французскому генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису хватило простых обязательств взаимной дружбы и привязанности, чтобы не забывать. Помнить всегда. Об этом, собственно, наша история. Но все по порядку. Сейчас на повестке дня ксенофобия и заговор. Германский, в мутной воде которого вечно что-то пытаются поймать ничего не понимающие ни в вине, ни в еде люди. Англичане.

Но там, где германофилия, там и евреи. Кто бы и как бы этого самого Дрейфуса и не пытался выгораживать. Ну, в самом деле, как же без них, лопочущих практически на том же языке, что и варвары Европы – немцы. И лишь пытающихся очевидное затушевать. Скрыть за клинышками секретных знаков, инородных буквочек. Похожих на червячков из банки и рыболовные крючки. У генерала, как и у множества других людей конца девятнадцатого – начала двадцатого века, в большой Европе сомнений не было и не могло быть: эти, с пейсами, с бошами заодно. Подпевают.

«Из дальнейших отчетов стало ясно, что еврейское население Кишинева, глубоко пропитанное германофильскими идеями, систематически проводило действия, направленные на деморализацию войск. Удивительный факт – в городе была налажена еврейская почта, которая могла переправлять корреспонденцию через линию фронта, из Кишинева в Вену и обратно. И задержка в пути не составляла много больше времени, чем та, что имела место в мирное время»³.

Запишет генерал, по поводу рапортов о положении военнопленных, в первую очередь чешских, на румынском фронте. Мысль об опасности евреев и имеющейся у них, несомненно, прямой и явной связи с немецким генеральным штабом, центром всех мировых интриг, не будет оставлять генерала никого. И он так прокомментирует собственную дневниковую запись, сделанную сразу после Февральской революции. Подчеркнет свою твердую веру и убежденность в том, что революция эта «бесспорно» организована и оплачена извне. 20-го марта 1917-го:

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 51

² https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC_%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%BB_%D0%93%D1%83%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%B2_%D0%AD%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D1%8C#/media/%D0%A4%D0%B0%D0%B9%D0%BB:%D0%9A%D0%B0%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4_%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%D0%BC.jpg

³ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 39

«Мне вспоминается, что могилевские евреи довольно уже давно начали поговаривать, что к лету война закончится»¹.

На этом, впрочем, можно и остановиться. Достаточно о предрассудках времен минувших. Ставших давно частью великой комедии, как войны, так и мира, в романе Ярослава Гашека о бравом солдате Швейке. Наш же рассказ о драме. О человеческой трагедии. Поэтом вернемся к целесообразности. Прагматизму французского генерала Мориса Жанена. Равно важного как в приложении к любви, так и ненависти. Прагматизму, который ксенофобия и жизнь с ней в сердце демонстрируют самым наглядным образом. В 1919-м генерал в категорической форме требовал не только от своих подчиненных и командиров вверенных ему войск в Сибири, но и людей самого Колчака, не допускать любого рода публичных выпадов против сынов Израиля. Не целесообразны. И очень... очень были бы не ко времени.

«В моих ежедневных сношения со Ставкой [Колчака], помимо консультаций сугобо военно-технического характера, приходилось также постоянно обращать внимание на необходимость осмотрительности. Так (10 марта) мне показали прокламации, которые предполагалось сбрасывать с аэроплана, и содержащие резкие нападки на евреев, и были после этого крайне удивлены, когда я выразил мнение, что, помимо всего прочего, это до чрезвычайности опасно, учитывая то количество могущественных евреев, которые присутствуют в окружении [президент США] Вильсона»².

Да. Трезвость и только трезвость.

«В конце концов постоянно повторяемые солдатам слова “Смерть комиссарам! Смерть евреям!” ничего хорошего с точки зрения дисциплины не сулят»³.

XI

Париж – такой город, из которого не хочется уезжать. Это как покинуть Солнечную систему и, вообще, нашу уютную галактику. Пуп мироздания. Колыбель. Отправиться туда, где черные дыры и все мыслимые и немыслимые искривления пространства и времени. Такая топология города, непохожего ни на какой иной на этом многообразном свете. Города, устроенного как космос. Млечный путь. Модель галактики в миниатюре. Система многоугольных, словно звезды, площадей, с расходящимися во все стороны света, от одной к другой, лучами улиц. Встань в центре какой угодно, ну, вот хотя бы площади Камбронна, наполеоновского генерала, прославившегося тоже как раз тем, что слов особенно не выбирал. В карман не лез. И сразу оказываешься будто бы на оси, вокруг которой вращается вселенная. Ну, и зачем отсюда двигаться на край, где одни лишь глупости. То ли центростремительного, то ли центробежного характера. Суэта, попросту говоря. И мрак.

Но надо. Требуется целесообразность. И самоуважение. Честь генерала. Да и необходимость доказать всем, что ему, военному человеку, плевать на тех, кто сам изъясняется на языке дамских угодников, и от других того же ждет и требует.

«Я прибыл в Париж в самые последние дни ноября 1917-го. Несколько совершенных визитов позволили мне констатировать, что начали улетучиваться иллюзии по поводу русской революции, и о том обновлении духа, которое оно с собой принесет, сделав Россию вновь способной к войне с Германией. Но вместе с этим ни в министерстве обороны, ни у начальства генерального штаба не стало обнаруживаться больше признательности ко мне, человеку никогда эту иллюзию не разделявшему, пытавшемуся всеми силами ее развеять, и неизменно показывавшему реальное положение дел таким, как им оно и было»⁴

¹ Там же. Р. 90.

² Janin, M. *Ma mission en Sibérie 1918-1920: avec deux croquis*. Paris: Payot, 1933, p. 105.

³ Там же. Р. 128.

⁴ Janin, M. *Moje účast na československém boji...* s. 63.

И вот где снова возникает символ дружбы, протянутая рука. И снова рука чехов. Звездочка. Далекая, славянская. Возникшая на небосклоне франко-прусской войной окрашенного детства. Никогда не гаснувшая перед мысленным взором генерала. И в пятьдесят пять, для уже взрослого, зрелого, но вновь отчаявшегося человека, совсем, как некогда ребенок, загоревшаяся ярким светом. Тем самым, что называют путеводным.

«И тут я неожиданно узнаю, что Чешский национальный совет, располагающийся, как ранее уже упоминалось, на улице Бонапарта, и в состав которого входили тогда во всем сходящиеся друг с другом Милан Штефанек и др. Бенеш, выражают желание, чтобы я взялся за организацию чехословацкой армии и стал ее командующим...»¹

Причем самостоятельным и независимым. От соотечественников. От тех самых людей, что закрывают глаза и затыкают уши, не понимая интересы в первую очередь родины. Любимой и прекрасной Франции. И потому приветствуют падение русской монархии и, полагают, что большевизм – это зараза не страшнее весеннего насморка...

Причем... речь не только о сорока тысячах бывшего Чехословацкого стрелкового корпуса в России, словно в счастливом предвосхищении, предчувствии предательского Брестского мира, уже в декабре 1917, сразу после большевистского переворота, объявленных Масариком, покинувшим русскую армию. Вышедшим из ее состава, и ставшего автономной частью (что-то вроде Иностранного легиона, только самостийного) уже французской армии. Но, кроме этого, дополнительно десятков тысяч военнопленных-добровольцев нашелся и в Италии, и они тоже готовы вступить в бой. Не меньше прибавит также агитация, проведенная все тем же Штефанеком, и среди чехов-эмигрантов в Штатах. Армия, в самом деле армия. Собрать, обучить, спать...

Тем более, что такое хорошее место для дисклокации и обучения выбрано. Коньяк. Город во французском департаменте Шарант.

Одна беда: то самое ядро, что должно было явиться из России, пусть бывший, но легендарный русский Чехословацкий корпус в этой России завяз, задержался. Растянулись эшелоны с его бойцами от Волги до Тихого океана, застыли словно мухи на тонкой линии (прямой, так не похожей на паутину или сеть) дороги, соединявшей Европу с Азией, но тем не менее... и, чтобы вырваться, уйти, в конце концов вступили в бой с большевиками. Никем не предвиденный, не ожидавшийся и не запланированный. С паучком еще только-только начавшим плести от этой линии, пока единственной, густо-ячеистые тенета, в которых окажется, и очень скоро, буквально весь двадцатый век. Пока же просто не пускавшего сорок тысяч хорошо обученных и вооруженных людей на Западный фронт. Кругалем по морю. Зато очень охотно австрийских и немецких военнопленных в обратном направлении. И напрямую, сушей. Военнопленных Центральных держав. Солдат и офицеров, которых в России едва ли не миллион. Миллион! Через дыру того, что некогда было Восточный фронт отправляет на все тот же... Западный... Фронт, ставший последним и решающим в этой бесконечно затянувшейся кровавой бойне. Мировой войне... Только окопы совсем не те. Немецкие, а не французские... Немецкие... Ну, кто тут манией и паранойей называл все опасения и страхи перед германофилами и шупальцами, вездесущими и длинными, их ненасытной германофилии... Пусть выйдет, извинится.

Но извинений генерал не дождался. Просто получил еще одно назначение. Вдобавок к тому, что уже имелось от самопровозглашенного правительства еще не рожденной Чехословакии. Теперь вдогонку плюсом еще и от действующего, законами и конституцией Третьей республики установленного военного министерства уже столетия существующей Франции. Кто-то же должен прекратить в решающий момент войны эту экспансию тевтонов на восток. Вот пусть и едет командующий всеми этим чехословаками, раз они там, от Волги и до Владивостока, оказались волей судьбы главной вооруженной силой. Побудет еще и начальником французской миссии. Раз любит родину.

¹ Там же. С. 63.

XII

Родину генерал любил. И не отказался, даже после того, как тут же, едва ли не сразу после нового назначения, был и унижен, и оскорблен. За что? Как водится. За верность долгу. Чести и достоинству.

«И все же без организационных изменений не обошлось, изменений, которые напрямую коснулись объема полномочий ее начальника. Первоначально, еще в первой половине августа [1918], обязанностью миссии была задача объединения для достижения военных целей как политической, так и хозяйственной сфер деятельности. Однако, незадолго до нашего отбытия, господин Бертелот сообщил мне, что принято решение сформировать в Париже отдельный Высший гражданский комиссариат. Его полномочным представителем [в России], выбран господин Реньо, бывший посол в Японии, только что отправленный на пенсию, но все еще находившийся в стране. Это решение, конечно, значительно облегчило жизнь начальника миссии, объем задач которого и без того был чрезвычайный. Но трудно было при этом отделаться от мысли, что принятое решение было еще и следствием недоверия ко мне, которое испытывали многие из-за моей всем известной репутации друга царя Николая II.

Так или иначе, но я никогда не скрывал ни своих чувств на этот счет, ни отношения, и, когда пришло известие об убийстве царской семьи в Екатеринбурге, нисколько не таясь отправился на панихиду в русский храм на рю Дарю.

Боле того, я продолжал встречаться со знакомым мне еще со времен совместной работы в России

генералом Гурко, совершенно убитым этим несчастьем. Генерал стал центром монархического объединения, и кто-то из состава его членов даже приходил однажды брать у меня интервью. Сообщество, основанное генералом, издавало русскую монархическую газету, которая не стеснялась острой критики как в адрес союзников, так и русского посольства, и которой цензура не позволила опубликовать сообщение о моем назначении в Сибирь»¹.

XIII

Задержимся еще немного в Париже. В том его уголке, который менее всего похож на вселенную. Улица Дарю. Рю. Если смотреть со стороны широкого бульвара Курсель, одного из пяти длинных, звездных лучей площади Терн, три византийских купола православного храма, один высокий – воевода и два низких, лобастых сотоварища в шлемах справа и слева, кажутся замыкающими тупичок. Между тем это улица. Еще одна. Идущая не мимо, как рю Дарю, а прямо к храму. Улица Петра Великого. La rue Pierre-le-Grand. И храм, красиво, но безнадежно схлопывающий перспективу – это собор. Собор Святого Александра Невского. La cathédrale Saint-Alexandre-Nevsky.

Ровно за неделю до того, как государя со всем семейством вооруженные наганями люди завели в подвал дома Ипатьева в Екатеринбурге, 12 июля 1918 года, в русском соборе на рю Дарю, в храме Святого Александра Невского, художник Пабло Пикассо венчался с балериной Ольгой Хохловой. Принял ли великий манипулятор нашей эпохи при этом православие, неизвестно, но в партию французских коммунистов спустя какое-то время совершенно точно вступил.

Французскому генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису Жанену подобные душевные метания не были знакомы. Ни смены жен, ни убеждений. Он всю свою жизнь оставался монархистом и патриотом. Поэтому не так уж и сложно представить себе, что он думал во время панихиды среди русских икон и французских свечей. Что у него стояло перед глазами. Что-нибудь, наверное, простое и хорошее. Государь, играющий с гостями у фонтана в своей могиловской резиденции:

«...что-то вроде сражения начиналось вокруг каменной чаши с водой, украшенной несколько

¹ Там же. S. 100.

ми бронзовыми дельфинами, из ноздрей которых били фонтанчики. Зажимая эти ноздри, можно было орошать водой противника, стоявшего напротив или рядом. Царь часто приходил принять участие в этом бое, обычно вызывавшем всеобщее веселье, его самого, конечно, старались щадить, но и не так уж чтобы слишком...»¹

Или цесаревич, пораженный внезапным явлением генерала по прозвищу Папаша в его спальне совсем уж поздним вечером:

«...ему смазывали йодным раствором синяк на ноге, полученный накануне...»²

Конечно. Генерал прошался. Думал, наверное, что это все. Конец. Никаких иных, других воспоминаний, образов и чувств ему судьба больше не даст. Генерал ошибся. Все еще у него было впереди. И грусть... печаль того парижского дня в русском храме последней не станет. И разочарование.

XIV

Из всех теплокровных существ с душой и телом, что составляли семью и самый близкий круг последнего русского государя, ночную стрельбу с шестнадцатого на семнадцатое июля 1918-го в подвале и вокруг дома Ипатьева пережила только собака. Пес цесаревича Алексея по кличке Джой. Эта первая не беленькая собака в нашей истории. И совершенно точно первая чистопородная. Сохранилось много фотографий этого забавного и ласкового зверька, умевшего подолгу стоять и ходить на задних лапах. Окрас – черно-пегий, как и положено русскому спаниелю.

Самое трогательное воспоминание о его нежном и верном сердце оставила фрейлина императрицы Александры Федоровны. Баронесса София Карловна Буксгевден, свою пулю не получившая исключительно как подданная иного государства. Дании. Большевики не пустили баронессу в Екатеринбург. Оставили в Тобольске. И вот спустя несколько месяцев она в поезде английского генерала Нокса, любезно предложившего по ходу своей инспекционной поездки по Сибири отвезти датскую баронессу туда, откуда будет легче и безопаснее попасть домой, в Европу. Несколько дней перед отправкой поезда она провела в столице колчаковской Сибири.

«Генерал Дитерихс сказал мне, что маленький спаниель царевича, Джой, здесь у него в Омске. Пес был неизменным компаньоном своего маленького хозяина и оставался с ним как в Тобольске, так и Екатеринбурге. В Тобольске он необыкновенно веселил царевича своим презрением к приказам комиссаров, так всякий раз, учуяв, что я подхожу к дому, Джой умудрялся пролезть через решетку ворот и радостно приветствовать меня лаем. Бедное животное попалося на глаза чехам, после взятия ими Екатеринбурга, полугодовалая собака бродила во дворе дома Ипатьева. Казалось, она все время высматривает своего хозяина, и от этого вид у нее был удрученный и несчастный, она едва притрагивалась к еде, даже если ее и давали любящие руки. Я пошла посмотреть на Джоя, и он, немедленно в своей собачье голове соединив меня со своими хозяевами, вообразил, должно быть, что я предвестница уже их появления. Я никогда не видела животное в такой степени ажитации.

Когда я позвала Джоя, он выскочил из вагона и понесся с платформы прямо ко мне, он подпрыгивал, бегал вокруг меня широкими кругами, и если не клал на меня передние лапы, то ходил на задних, словно цирковой пес. Генерал Дитерихс сказал, что Джой еще ни разу никого так не приветствовал, я это отнесла исключительно к тому обстоятельству, что на мне была та же одежда, что и в Тобольске, и от нее исходил знакомый запах. Я никогда особенно с этой собакой не играла и не была близка. После моего ухода Джой весь день пролежал у той двери, которая за мной закрылась. Он отказывался есть и вновь впал в свое обычное унынье»³.

¹ Janin, M. En mission... p. 62.

² Там же. P. 90.

³ Vuxhoeveden, S. Left behind... December 1917 – February 1919». – London: Longmans, Green. 1929. <https://www.alexanderpalace.org/leftbehind/XV.html>

Удивительно, что генерал Жанен, очень хорошо знавший и тесно взаимодействовавший с Михаилом Дитерихсом, одним из высших командиров в Чехословацком корпусе, а позднее и у адмирала Колчака (которого, впрочем, Михаил Константинович, в совершенном уже отчаянии конца 1919-го счел правильным просто «расстрелять, как предателя»¹), вообще не упоминает этого русского офицера с немецкой фамилией в связи с собакой цесаревича. А равно и город Омск.

В главе воспоминаний, посвященной Екатеринбург и визиту в штаб северной армии, мелькает загадочная запись:

«Мне встретился офицер по имени Мирза Кули Хан, которого я знал в Могилеве как одного из служащих при дворе. Он оставил у себя песика царевича Джоя»².

Необыкновенно сухо даже для всегда лаконичного и экономного по части деталей и подробностей генерала. Наверное, свидетельство того, что самого пса все же генерал не видел, и Джой вокруг него на задних лапах не ходил. Не танцевал, не прыгал, в очередной раз наивно ожидая, что из-за спины знакомой, привычно пахнущей фигуры сейчас же выйдет он. Хозяин. Алеша Романов. Цесаревич Алексей. И детскими холодными ладонями прижмет большие, мягкие уши к теплomu, волнуемyся, электрическому меху на черной голове и шее.

А если так, то все, что могло в Сибири напомнить генералу о Романовых, о Николае Александровиче и сыне его Алексее, друзьях убитых, это свастика:

«Штаб Гайды [командующего Северным фронтом] работал отлично. Он располагался на втором этаже дома Ипатьева, который стал свидетелем смерти царской семьи. Ничего ныне в комнатах, занимаемых штабом, не напоминало о тех мрачных событиях, кроме личного кабинета самого Гайды, который некогда был отведен царю и царице. Возле окна я заметил ее рукой выведенную дату “17/30 апреля” и рядом пририсованную свастику. Помню меня удивило тогда, что до сих пор ни один любитель сувениров ее не вырезал себе на память, что сделать, должен сознаться, у меня самого был сильнейший соблазн»³.

Но генерал удержался. Наверное, именно потому, что свастика. Мистический солярный знак. Чуть астральная. Потусторонняя глупость, такая далекая и чуждая его военному, ясному и прагматическому мироощущению и миропониманию. Свидетельство и символ того страшного помрачения ума жены государя, Александры Федоровны, что очень... очень может быть, в немалой степени и определило не только ужасную судьбу самих Романовых, но и всего русского государства. Трагедию начала века.

Зачем об этом хранить память? Тень наводит на игры у фонтана, на мальчика с собакой? Ни к чему. Действительно, так мог думать в Екатеринбурге зимой 1919-го генерал. Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен.

Да, замечательно и славно помнить только хорошее и светлое. Но редко получается. Отделить чистое от нечистого. Жизнь не дает. Не позволяет. Судьба. Ведь пегий, пятнистый, разношерстый это ее собственный, подлинный цвет. Естественный. Окрас верной собаки, спаниеля по имени Джой.

XV

Сибирская миссия генерала потеряла смысл еще до того, как он ступил на русскую землю.

«13 [ноября] мы отбыли из Симоносеки во Владивосток. А накануне в Кобе узнали о подписании перемирия»⁴.

Великая война закончилась. Своя, единственная, главная. Закончилась победой войск Антанты. Франции. Задача противодействия немецкой экспансии на восток отпала сама собой.

¹ Janin, M. *Moje účast na československém boji...* s. 347.

² Там же. S. 190.

³ Janin, M. *Ma mission en Sibérie...* p.53.

⁴ Janin, M. *Ma mission en Sibérie...* p.12

Германия повержена. Ей будут теперь просто диктовать. Приказывать. Во всяком случае, так казалось.

Что же касается большевиков, то далеко не все в мире, что выяснилось самым естественным образом по мере движения в Россию из Парижа через Вашингтон и Токио, воспринимают красную напасть как часть все того же всемирного германского заговора. Таким же точно образом, как и генерал Жанен. Заметивший весной 1918, по поводу неудержимо нараставшего и ширившегося конфликта между большевиками, сидевшими в Москве, и чехословаками, через Поволжье, Урал, Сибирь и Дальний Восток пытавшимися уйти во Францию.

«Это последнее [конфликт с большевиками] представлялось делом само собой разумеющимся, слишком уж давними и тесными были связи между ними [большевиками] и немцами, русских социалистов слишком много всего привязывало к родине Карла Маркса, и разорвать все эти бесчисленные нити в один момент было бы просто невозможно»¹.

Щупальце. Оставшееся. Из которого должно и обязательно вырастет новое грозное тело. Спрут, вечно грозящий миру и покою, сам себя восстановит.

Нет, нет, если не говорили, то намекали генералу в различных городах и странах, министры, депутаты, президенты, вы ошибаетесь. Большевики – это всего лишь хвост. Хвост ящерицы, убитой нами. Он сам засохнет. Испарится. В отличие от ресурсов. Ресурсов этой необъятной страны, что оказались на минуточку бесхозными. Вот это вопрос дня. Как поделить. Японцам надо все, американцам надо все, и англичане не желают шанса упускать... а вы французы раз и влезли. Первыми заскочили. Пока мы победу ковали в Европе и Азии, ваши чехословаки... ведь они ваши, так?... взяли и захватили всю Сибирь. Без спроса и согласия. Не очень хорошо. Давайте уводите, чтобы все по-честному. На равных.

Такая атмосфера, такое электричество. Плюс, ставший минусом. Нечто абсолютно чуждое генералу. Военному человеку, не терпящему амбивалентности. Исчезновенья ясности.

В очередной раз слепота и глухота, непонимание сути вопроса. Сначала должны идти честь и достоинство. Борьба с тевтонским духом и всеми проявлениями его, включая коммунизм. А лишь потом... затем уже каменный уголь и железная руда.

Беда! Но оказалось, не одна. И те, для кого честь и достоинство важнее жизни. Такие же прямые, как и генерал, без экивоков и задних мыслей военные люди, не могут и не хотят договориться. Фатально.

XVI

Ровно через два дня после того, как генерал ступил во Владивостоке на русскую землю, 18 ноября 1918-го, в Омске произошел переворот. Группа лихих людей, казацких полковников, а за их спиной компания темных личностей с большими финансовыми интересами и политическими амбициями, свергла, и вовсе не бескровно, единственное на тот момент в России демократическое правительство. Директорию. Последнее, что имело моральное, да и формальное право считать себя органом народного представительства. Наследницей законно избранного Учредительного собрания. Дитя согласия и компромисса всех гражданских и военных сил (включая главную на тот момент, чехословаков) между Уралом и Байкалом.

Власть передана диктатору. Адмиралу Колчаку. Человеку такого беспримесного, чистого душевного идеализма и такой абсолютной, просто нечеловеческой нерасчетливости и непрактичности, что в его тени можно делать любые, самые подлые и грязные дела.

Реакция чехов была немедленной:

«Чехословацкий национальный совет, его русское отделение, с целью прекращения распространения любых слухов о его отношении к недавним событиям заявляет следующее: Чехословацкая армия, которая сражается за идеалы свободы и народоправия, не может быть участником

¹ Janin, M. Moje účast in československém boji... s. 86

или же поддерживать, а равно никогда не будет участвовать или же выражать поддержку любому насильственному захвату власти. Мы считаем, в полном согласии с нашими взглядами на существо дела, что государственный переворот, совершившийся 18 ноября, разрушил принцип законности, который один только и может быть основанием любой власти, в том числе и русской. Мы, представители чехословацкого войска, на котором сейчас лежит наибольшая тяжесть войны против большевиков, выражаем сожаление, что в тылу действующей армии совершается насилие с участием тех самых частей, которые больше всего нужны были бы на передовой...»¹

И так далее...

Стоит ли изумляться, что самые первые слова Колчака, которые услышал генерал, когда наконец встретился с адмиралом в Омске, были решительные – «пусть убираются отсюда». Причем все.

«Мне нужны только ботинки, теплое обмундирование и боеприпасы»².

А вы, союзники, нет. И в первую очередь чехословаки. Пусть едут домой. И чем быстрее, тем лучше.

Бедняга, зимой 1919-го бросивший свою армию, окруженный со всех сторон партизанами, преданный своим собственным русским конвоем, куда он побежит? Этот русский Дон Кихот? Несчастный человек. Такой красивый и такой бессмысленный. К кому он кинется искать спасения? К тем самым людям, которых он с такой охотой и не без внутреннего удовольствия, должно быть, позволял звать чехо-собаками.

XVII

Собаки. Да. Две в самом деле жили в омской штаб-квартире генерала. В доме на углу Думской и Кокуйской. И это не фигуральное выражение. Подмахивание Колчаку и его газетчикам. Нет. Два самых настоящих здоровенных сибирских волкодава. И не потому, что ночью дикие животные могли напасть, как в русской песне на возок замерзающего ямщика, и на автомобиль французского генерала. Людей на берегах Иртыша, как и по всей колчаковской Сибири, убивали еженощно. Это правда. Малоприятный и печальный исторический факт. Но вовсе не животные. А люди. Двуногие. В погонах. А вот из тех, что без всяких знаков различия, что ходят на четырех конечностях, на лапах или копытах, ничего страшнее домашнего скота на улицах колчаковского Омска не встречалось. Как, собственно, и везде в тогдашней России. Что до всех и всяческих революций, что после. Особенно с приходом весны.

«...снег уступил свое место бездонной грязи. И несметные орды свиней, радуясь приходу весны, купались в канавах едва ли не на каждой улице...

...подобное же зрелище я видел уже в Могилеве. Где местные жители с раннего утра выпускали погулять скотину, которая, вдоволь покопавшись в отбросах, сама в назначенное время возвращалась домой и даже голос подавала, требуя открыть ворота...»³

Такая патриархальность и непосредственность, даже в месте расположения Главнокомандующего и русской Ставки. Никакой торжественности. Ни в Могилеве в 1916-го. Ни в Омске в 1919-го. На старом фото колчаковская резиденция (ныне с угрюмой торжественностью высящееся здание государственного университета путей сообщения) вся от нижних и до самых верхних этажей в каких-то неуклюжих строительных лесах. А в Екатеринбурге 1918-го на улице Вознесенской за наскоро сколоченным неровным частоколом (и тут, и там жердины выпирают вкривь и вкось), видны только печные трубы да аттики дома Ипатьева. Как Бог положит, так и живем. Все просто.

И можно предположить, не боясь особо ошибиться, что также никакой торжественностью и парадностью не отличался выгул псов из дома в стиле местного модерна на углу улиц Кокуйской

¹ Janin, M. Moje účast na československém boji... s. 153-154.

² Janin, M. Там же. S. 179.

³ Janin, M. Ma mission en Sibérie... p. 119.

и Думской. Последняя скоро станет имени Троицкого. Впрочем, сомнительно, что это перемена могла мгновенно изменить вид грязных и запущенных канав по обе ее стороны. А равно и привычки там обитающих парнокопытных. Символов неутолимого чревоугодия и торжества самых простых жизненных удовольствий.

Другое дело псы. Собаки, которых выводили на свежий воздух солдаты генеральского конвоя. Чехи. Двух больших, лохматых псов, похожих внешне не столько на сибирских алабаев, сколько на ирландских волкодавов¹. Эту пару оставил генералу Жанену, как ныне говорят, на передержку, его друг и товарищ, такой же монархист и патриот, а заодно и министр обороны только что рожденной Чехословакии Милан Растислав Штефанек. Срочно уезжая в Европу. Двух подаренных ему в Сибири псов. Другей человека.

И снова, выходит так, собаки – символ верности и чести. Причем на этот раз двойной.

Штефанек, спешно пакуя чемоданы, не сдал живодеру. И генерал Жанен берег. Как чистые листы с заранее поставленной подписью в нижнем углу. Подпись Милана Растислава Штефанека. Министра обороны Чехословакии. Такая была вера и взаимопонимание. Общее чувство долга.

Надо ли говорить, что ни один генерал не заполнил. Все так и остались девственно белыми.

XVIII

Белый. Чистый. Это не только цвет вороны, над которой все смеются. Высокой тульи генеральского кепи или до самой смерти преданной хозяину собаки. Это еще и цвет королей. Исторический цвет монархии. Конечно. Которая совсем не обязательно самодержавие и самовластье, с таким же и даже большим, может быть, успехом – это одна из форм власти народа, прямой, просто персонифицированной. Олицетворяемой одним, отдельным, общепризнанным носителем долга и чести. Пожизненно на себя взявшим эту нечеловеческую ношу. И такой бывает взгляд на государство и государей. Существует.

Милан Штефанек, друг генерала Жанена, очень любил повторять:

«Есть такие моменты, когда самый убежденный республиканец не может быть никем иным, как монархистом»².

А генерал Жанен, с видимым удовольствием, всякий раз эту фразу фиксировал в своих дневниковых записях.

Государь как камертон. Словно свои собственные воспринимающий народные чаяния, нужды, стремления и всеми силами и с Божьей помощью, конечно, пытающийся все одно за одним удовлетворить, решить и воплотить... Мечта? Ну, тогда просто прислушивающийся... хотя бы прислушивающийся к народу и стране. Вот идеал.

Николай II мог быть таким? Возможно. В известном и главное спасительном для русского государства приближении. Характер позволял, натура, склад ума, но не получилось. Что-то помешало. Не дало. Узость воспитания, религиозный фанатизм? Царица, которую любил гораздо больше, чем имеет на то право император? Человек персонифицирующий, олицетворяющий и свой народ, и свою страну?

«Я редко касался в наших разговорах внутренней политики, но могу судить по некоторым замечаниям, что если государь с таким упорством и держался за существующую форму правления, то было это в гораздо меньшей степени следствием особенностей его характера или наклонностей, нежели воспитания и привитого образа мышления, а также моральных обязательств, той нерушимой клятвы, которая, как ему представлялось, была дана самим коронованием в храме. Царица в этом убеждении всячески поддерживала царя, и как-то раз, когда вопрос зашел о польской автономии сказала:

¹ <https://argonnaute.parisnanterre.fr/ark:/14707/24x7b5jzh098/3081e6ef-0279-4e0a-b17f-723d04a22086>

² Janin, M. Milan Rastislav Štefánik: příspěvky k poznání jeho života a povahy. Praha: Orbis, 1932, s. 35.

– Что может быть лучше, чем устранить несправедливость, но мы давали клятву, и я, и царь, во время коронации, и потому не можем ничего изменить. Это все делает наш сын, когда достигнет своего двадцатилетия, и вот тогда все будут счастливы.

Мне передавали, что буквально то же самое, слово в слово, говорил и сам государь по поводу ответственного министерства»¹.

Ответственное министерство. Парламентская монархия. Спасла бы она династию, саму страну, явившись в 1914-м, или хотя бы в 1916-м? Не дожидаясь благословенных двадцати свечек на праздничном торте царевича Алексея? 1924-го? Вопрос в пустоту. В ту самую пустоту, на которую работало, которую воспроизводило русское самодержавие в начале прошлого века. Грозного и неумолимого. Бессилие и обреченность, так пугавшие французского генерала, мечтавшего не только о верном, но и крепком... сильном союзнике Франции на востоке. Вечном.

«Однажды [государь] пожаловался, что должен подписывать какое-то неисчислимое количество документов, когда же я, осведомившись, узнал каких именно и с чем связанных, то не мог не выразить мнения, что он тратит время на такие вещи, о которых и знать не должен был бы. В ответ мне было сказано:

– Этого требует закон.

Когда же я спросил, а не для того ли и самодержавие, чтобы плохой закон исправить, ответом мне было лишь недоуменное пожатие плеч»².

XIX

Самовластие, игнорирование требований времени и страны, народа, ничего не приносило, когда в центре русской вселенной был очень уравновешенный, по-своему рассудительный, незлой и очень симпатичный в личном общении человек. Николай II. Чего же ожидать от времени, когда Верховным правителем себя объявляет вечно взвинченный, невероятно конфликтный и безмерно, болезненно самоуверенный мечтатель. Всеми без исключения обманываемый идеалист Александр Васильевич Колчак.

«Жестокость людей, наделенных полицейским полномочиями, была обыденностью, равно как и всяческие мероприятия, все ту же жестокость провоцирующие. Мое внимание как-то обратили, среди множества прочих, на дело человека по фамилии Труп, чиновника при Керенском, который бежал от большевиков из Петрограда на Урал. Его судьбу должно было решить заседание тайной комиссии из десяти членов, семь из которых представляли полицейские службы. Если бы не мое вмешательство, и он, и его жена были бы “отправлены в расход”. Спустя какое-то время этот господин смог добраться до Омска и, предоставив все бумаги, относящиеся к своему делу, обратился ко мне с просьбой помочь ему бежать. При этом он признался: “такого рода вещи были бы просто невозможны при Николае II”. Я в свою очередь, заметив предварительно, что меня, как человека с репутацией друга царя, не могут не радовать подобные заявления, спросил у этого Трупа “так стоили ли в таком случае менять правительство?”»³

То, царское, по меньшей мере законное, что не расстреливало людей без суда и следствия, не жгло деревни вместе с обитателями, не отнимало и скот, и хлеб, на это... это колчаковское, самозванное, насилием порожденное и насилие порождавшее, и потому оказавшееся с первого дня своего существования в кольце одних сплошных народных бунтов и восстаний? Вопрос очередной раз в пустоту. В пустоту, которую отказались поддерживать чехословаки и на которую сам генерал в конце концов махнул рукой. Исходя из самой простой уже прагматики и очевидной целесообразности. Патриотизма и чувства долга.

¹ Janin, M. *Moje účast na československém boji...* s. 20.

² Там же. S. 20.

³ Janin, M. *Ma mission en Sibérie...* p. 128.

XX

Нет никаких больше надежды на Россию как союзника в борьбе с германскими интригами и алчностью. Обнажился восточный фланг. Но, может быть, его получится сбалансировать, компенсировать южным? Центрально-Европейским. Чехословацким, например? Вот ведь их сколько, только в Сибири, чехов и словаков. Уже не сорок, как пару лет тому назад, а, после проведенной Гайдой мобилизации всех поголовно военнопленных, восемьдесят. Восемьдесят тысяч. Пусть больше и не поголовно добровольцев... Но всех до одного вооруженных и обстрелянных... бывалых, опытных, прошедших, как в русской поговорке, «огонь и воду» людей. Таких же при этом всем, как сам генерал, простых, прямых, военных... без всякой задней мысли и желания кому-то чем-то угодить. Настоящих солдат. В прямом и переносном смысле слова. Все правильно и верно понимающих.

«Во время визитов чехословацких генералов Штефаника, Сирови и Гайды, а также Колчака и его генералов, обычно мы, командиры охраны, стояли в карауле у дверей [в кабинет Жанена], с одной стороны, чтобы обеспечить максимальную безопасность, а с другой, чтобы получать обо всем сведения из первых рук. Сам генерал настолько нам доверял, что часто случалось, проводив кого-то из упомянутых гостей, узнавал мнение братьев, стоявших в карауле, относительно обсуждавшихся вопросов или решений, принятых в его кабинете, особенно тех, что напрямую касались чехословацкой армии»¹.

Таким словами, спустя годы, Фердинанд Филачек, ефрейтор из омского взвода личной охраны, конвоя, подтвердит степень родства и близости чешских солдат и французского генерала. Общность душ.

И если бы все... все были такими, людьми с простыми мыслями и ясным языком, а не политиками, ловчилами, употребляющими вместо односложных и понятных слов, четких и ясных, жеманные конструкции навроде «сексуальный акт»², разве случилось бы то, что ожидало генерала впереди... «sic!», оставит он пометку в чужом письме и... забудет. Продолжит думать, что чехи и словаки, люди с улицы Бонапарта в Париже, наследники тех депутатов, что в эльзасском детстве прислали ему привет с берегов Влтавы, совсем другие, чем заседающие во французском Национальном собрании на набережной Орсе или в министерстве Иностранных дел с видом на ту же Сену.

Масарик в Нью-Йорке, Бенеш в Париже и Штефанек, который всегда в движении между одним, другим и третьим континентами, хотят, чтобы он вернул чешских солдат домой и сделал их ядром могучей армии, которая непременно станет надежным союзником Франции в борьбе с германцами, ну, что же, он, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, не подведет.

Великая война закончилась. В России очередной переворот. Мир перекрашивается и перелицовывается. Ежеминутно. Но остается неизменным коренастый, среднего роста человек, в высоком светлом кепи и кокетливых ботиночка на каблучках. Он прагматичен, собран, рассудителен, и у него всегда есть дело. Цель и задача. Какой бы ветер в данный момент ни дул. Как бы ни силился. Попутный или встречный.

И с этой верой генерал будет работать в омском кабинете в красивом доме на углу Думской и Кокуйской, не устывая... не переставая удивляться своему счастью:

«Сегодня день святого Йозефа³, большой праздник у чехов. И в те минуты, как я пишу эти строки, прямо под моим кабинетом организован по этому поводу музыкальный праздник. Где они нашли все эти инструменты? Но еще больше меня поражает другое обстоятельство, сколько же в их рядах оказалось скрипачей»⁴.

¹ Filáček, F. Zápisky legionáře Ferdinanda Filáčka : Gen. Janin.s.7. <https://adoc.pub/zapisky-legionaeferdinanda-filaka.html>.

² Janin, M. Moje účast na československém boji... s.235.

³ Праздник Св. Йозефа, мужа девы Марии, воспитателя Христа, приходится в Чехии на 19 марта.

⁴ Janin, M. Moje účast na československém boji... s.237.

XXI

Колчак был грозен и нетерпелив.

Не хотят за меня жизнь отдавать, кровь проливать за мою диктатуру, бессмысленной считают, ну, пусть уходят. Таков лейтмотив всех разговоров с адмиралом. Неизменно повторяющийся. С первого дня.

«В конце концов, лучшее, что могли бы сделать чехи, если считают свою задачу выполненной, если не хотят больше воевать, так это все и сразу уйти отсюда...

...Дарю им все, что у них имеется. Могут забрать, только пусть уходят, как можно быстрее»¹.

Ну, что же, получается, по взаимному согласию. Очень хорошо, только вот это «все» и главное «сразу», очень непросто осуществить, когда речь о восьмидесяти тысячах, которых надо переместить из самого дальнего, уткнувшегося в Тихий океан уголка Азии, в самый сухопутный центр другого континента. Европы. Нужны сотни поездов, нужны десятки кораблей. И если первые в наличии, то вторые нужно ждать. Ждать месяцами. А что может быть страшнее армии, обреченной на безделие. Восьмидесяти тысяч отвоевавшихся людей? Решение, которое нашел генерал (вопреки героям, желавшим самостоятельно пробиться через Вологду к Архангельску, и демагогам, если не трусам, желавшим бросить в самом деле все, как предлагал, чем соблазнял Колчак, собраться в стадо и где-нибудь в чайных Харбина и борделях Хайлара ждать пароходов), выход оказался простым и исключительно целесообразным. Тактически и стратегически. Оставив фронт, которым так хотел единолично владеть и управлять адмирал, сосредоточиться вдоль линии Транссиба и взять его под охрану. Сберечь дорогу, магистраль жизни, среди огня стремительно разгоравшейся в колчаковском тылу партизанской войны. Продолжить службу. Иными словами, армии остаться армией.

Насколько это решение французского генерала продлило агонию русского адмирала и его власти, можно спорить. Весну и лето 1919-го Колчак простоял. А вот осенью, когда стали наконец приходить долгожданные пароходы и ненавистные Верховному правителю чехословаки в самом деле принялись уходить, адмирал буквально тут же оказался со всех сторон окружен восставшим народом. Не чехами или словаками, а такими же как, он сам, русскими людьми. И вынужден был сдать. Его не пощадили. Ничего не спасло. Ни благородство души, ни чистота помыслов, ни любовь к родине. Крови не прощают.

XXII

Но наш рассказ не об этой драме. Не о судьбе человека, прямого, честного, военного, который все делал неправильно. Без всякой прагматики и целесообразности. А о другой судьбе. О жизни, в которой целесообразность, прагматика были основой. Нормой поведения и средством достижения цели. Поставленной и, что еще важнее, достигнутой. Чехословацкая армия вернулась из Сибири домой. Вся целиком. Заняла южный рубеж обороны, защиты от германских посягательств и тевтонского влияния.

Но генерал Жанен при этом не оказался ни ее Главнокомандующим, ни начальником Генерального штаба. Мечта не реализовалась. Надеждам не дано было сбыться. В Прагу генерала не позвали. Ему даже спасибо не сказали. Те самые люди, прекрасные и душевные, с улицы Бонапарта в Париже. Может быть, потому что единственный из них прямой и военный человек просто погиб? Разбился 4 мая 1919-го. Мечтавший, как и генерал Жанен, о стране, всегда побеждающей Германию. Союзнике и друге Франции – Чехословакии. Но погибший... погибший на подлете к ней. Пытаясь приземлиться на родную землю.

Приземление... Еще один хороший образ. И верный. Из тех, что делают картину мира объемнее. Спуск с небес на землю. Он неизменно ждет всех тех, кто хочет говорить правду, и только

¹ Там же. S.196.

правду... простыми солдатскими словами. И думает, не сомневается при этом, что белое – цвет совести...

Друг, тезка и генерал Морис Пеле, Морис Сезар Жозеф, занявший еще в феврале 1919-го, как будто бы на время, пока, пост начальника французской военной миссии в Чехословакии, сообщал в Сибирь генералу Пьеру Тьебо Шарлю Морису:

«Я буду в Праге вашим посланником, ровно столько времени, сколько Вы будете отсутствовать, я это совершенно ясно дал понять как правительству Чехословакии, так и [во Франции] генералу [и военному министру] Мордаку (мне, к сожалению, не удалось встретиться с самим господином Клемансо), и таким образом все должны а priori исходить из того, что я сдам все полномочия в тот же день, когда Вы только прибудете в Прагу, чтобы принять командование всей чехословацкой армией»¹.

Увы, благими намерениями и дружеским расположением известно куда дорога вымощена... Летом 1919-го начнется война между молодой Чехословакией и только что родившейся Советской Венгрией. Потребуется опытный военачальник, президент Масарик обратится к генералу Пеле, тот волей-неволей согласится, и вот уже он, друг и товарищ... Командующий Вооруженных сил Чехословакии. Мечталось, что будет а priori, а вышло de facto...

Генерал за всеми интригами на свете видел немецкий заговор. Можно вообразить всю степень его изумления, когда бы кто-нибудь, ехидный и злорадный, рассказал как-нибудь генералу о иной, романской подноготной, так в детстве его, эльзасского мальчишку, поразившей и очаровавшей свободой взглядов и независимости суждений Чешского Сейма. Современный историк без лишнего эмоций резюмирует:

«В значительной мере самим своим появлением [чешский] протест обязан активной деятельностью в Праге французского дипломата Лефевра. Об этом можно судить по письму, адресованному Лефевром Риегру [чешский политик, депутат Сейма] из Версаля 24 октября 1871, в котором дипломат пишет о той благодарности за сделанное, которую ощущал Гамбетта [политик и будущий премьер-министр Франции] лично к нему, и о неудачных попытках [Гамбетты] добиться официального выражения благодарности от французского правительства, и чешским депутатам»².

В общем, удачно вышло. Само собой. Французские министры и депутаты получили во главе союзной армии командующего, который никому и никогда не перечит. А люди, переехавшие с улицы Бонапарта в Париже на пражский Град, погашенный в зародыше конфликт с политической элитой могущественного государства из стана победителей в войне. Хранителя и покровителя. Переменяли местами кепи, как в шуточной забаве кадетов из Сен-Сира, и сколько сразу пользы, как странам, так их народам. Полезная штука. Зря царь Николай II чурался.

Урок другой прагматики и целесообразности. Той самой, что без капли благородства и галантности, зато блестит от ежедневного употребления. Только не греет? Не беда. Зато на своем месте. Всегда. Как современная доска на здании посольства Чехословакии в Париже. Что расположено... находится все там же, что сто лет тому назад. Рю Бонапарта, 18. Все получилось у политиков. Соединилось. Устаканилось.

XXIII

Ну, что же. Рука руку умыла. Та, что казалась генералу всегда к нему дружески протянутой, и та, что вечно перед ним как будто убиралась за спину. Пряталась. И в результате его собственная, простая и военная, повисла в пустоте. И скрипки ни за стеной, ни под ногами не играли. Что-то шуршало под ковром. Немного. Вот и все.

¹ Там же. С. 245.

² Pleskač, J. *Obraz prusko – francouzské války v české společnosti*. Bakalářská práce. Vysoká škola CEVRO Institut. Praha. 2015. S. 38.

Холод. Это то, что ощущает рука, не нашедшая опору. Потерявшая ее. Зато обретшая свободу. Сохранилась удивительная, необыкновенно трогательная, буквально завораживающая фотография цесаревича Алексея. Говорят, самая последняя. Сделанная в Тобольске¹.

Это не привычный всем маленький мальчик с открытки, в сапожках, в мундирчике по мерке, с медальной лентой на груди. Подросток, что кажется гораздо старше своих тринадцати. Шестнадцать, может быть, ему на вид. Семнадцать даже. Юноша. В домашней белой рубахе, просторной, застегнутой на костяные пуговицы до самой шеи. Он вскинул руки. И растопырил пальцы. Как будто желая показать. Вот они десять. Все мои. Мои.

За спиной угол окна, и свет струится между пальцами, невольно вызывая, словно холодный сквознячок, ветер эпохи, у всякого смотрящего на фото озноб, ком в горле и легкую резь в глазах.

Кто эти все? Свои? Оставшиеся? Папа, мама, сестры. Спаниель Джой. Но это семья. Только семья. А кто же прочие? Доктор Боткин? Повар Харитонов? Горничная Демидова? Можно гадать, предполагать сколько угодно...

Французский генерал Жанен, Пьер Тьебо Шарль Морис, сумеет доказать... без посторонних... сам... одним простым поступком и решением подтвердить, что он... вот он... своим остался. Был, есть и будет. Товарищем и другом.

При всех ветрах. Как встречных, так и попутных.

XXIV

Март 1920-го. Последние эшелоны чехословаков, арьергард, проходят Читу и направляются в сторону китайской границы. Дальше КВЖД, Владивосток и путь домой. Кого-то ждет Индийский океан и Суэцкий канал, других Тихий, поезд через все западные, средние и восточные штаты, а затем Атлантика. Но всех – радостная встреча в Праге. Вацлавская площадь. Парад. И многократно повторяемое «děkuji» – «спасибо».

У генерала иной путь. Пекин, Шанхай, Марсель. Несколько обязательных и неприятных встреч в Париже, а после назначение в заштатный Бурж. Командующим 8-м армейским корпусом. Четыре года досидеть до срока выхода на пенсию по возрасту. И все. Это, конечно, мало похоже на парад. И на «спасибо», какой из множества известных генералу языков не возьми. Зато он сам говорил и говорит то, что думает. Всегда. На всех ему известных языках. Говно называет говном. А шлюху – шлюхой. И в русский храм на улице Дарю приходит на панихиду по другу, русскому царю Николаю II, даже тогда, когда газеты пишут, что это был изменник, «ибо подготовлял для спасения личных и династических интересов сепаратное соглашение с врагом, т.е. их союзническую катастрофу»². Болтают. Формируют общественное мнение. У тех кто хочет отчаянно и страстно соответствовать моменту. Гибких душой и телом. Способных вечно изменяться, приспосабливаться... Удачи им. У монархистов и патриотов, негнущихся и не меняющихся, как бравый сабельный клинок, ну, или упрямый, ржавый, давно и страшно надоевший гвоздь, свой путь. Другой.

Все было готово к отъезду генерала, когда в Харбине к нему явились с просьбой два человека. Знакомый, генерал Михаил Дитерихс, и незнакомый, следователь Николай Соколов. Ему, следователю, полтора года по крупницам собиравшему улики и свидетельства, вещественные доказательства и останки... микроскопические буквально... части тел членов царской семьи, царя, царицы, цесаревича и его сестер – великих княжон, Николаю Алексеевичу Соколову, теперь бо-
явшемуся... смертельно опасавшемуся всех заинтересованных и вовлеченных – большевиков, семеновцев, китайцев, немцев, евреев, англичан, и дадим слово:

«17 февраля 1920 года, когда погиб Адмирал Колчак, я был в Харбине. Положение было тяжелое, не было денежных средств. Я обратился в феврале с письмом к послу Великобритании в

¹ <https://www.librapress.ru/2017/01/Dnevnik-Cesarevicha-Alekseja-Nikolaevicha-za-1917-god.html>

² Соколов, Н.А. Убийство царской семьи. М.: Сирин/Советский писатель, 1990. С. 336.

Пекине г. Лямсону и просил его дать мне возможность вывезти в Европу акты следствия и вещественные доказательства. Я указывал, что в числе вещественных доказательств имеются останки царской семьи. 23 февраля ко мне прибыл секретарь посла г. Кейф и сообщил мне, что посол запросил свое правительство в Лондоне. Лямсон, видимо, не сомневался в утвердительном ответе. Мой вагон был взят в состав поезда Кейфа и охранялся. 19 марта английский консул в Харбине г. Сляй передал мне ответ английского правительства. Он был лаконичен: «Не можем». Вместе с генералом Дитерихсом мы обратились к французскому генералу Жанену. Он ответил нам, что он не станет никого запрашивать, так как помощь в таком деле считает долгом чести. Благодаря генералу Жанену удалось спасти акты следствия и вещественные доказательства»¹.

Генерал принял три объемных кофра, в Пекине смог добиться того, чтобы на каждом была поставлена охранная дипломатическая печать, а в Шанхае еще и большего, чтобы объемный груз чести под личную охрану взял капитан корабля.

Когда-то генерал настойчиво советовал, буквально умолял царя бежать, спастись и спасти... спасти все то, что только будет возможно. Думал ли он, Пьер Тьебо Шарль Морис Жанен, тогда в Могилеве, зимой 1917-го, что спасти судьба предложит ему... лично. И это все «что только возможно» будет столь малым и ничтожным...

В Марселе груз верности и чести никто не встретил.

Наверное, потому что прибывший корабль не звался «Русь», это был старый почтовый пароход «Арман Меик», и никто из прибывших не мог сойти с него на берег, чтобы начать неспешно, с тихой задумчивостью собирать цветы. Лаванду – прекрасную красу Прованса.

«В порту Марселя капитан был весьма удивлен, увидев, что ничего не подготовлено к встрече (он надеялся, что хотя бы будет поднят [русский] флаг), и все не мог забыть встречу [царя] в Шербуре в 1896, которой был свидетелем:

– Времена изменились, – я только и мог ему ответить».

XXV

Марсель Пруст, восторженный поклонник знати и аристократии, великий знаток жизни закрытых клубов, царствующих дворов и, вообще, света, такой же, в общем, монархист и патриот, как и его соотечественник, французский генерал Жанен, всю жизнь искал утраченное время. Нашел.

И среди сотен фигур и лиц, заполнивших и обживших это самое счастливо обретенное великим писателем далекое и близкое прошлое, оказался и некий восточный государь Федосий II, однажды посетивший Францию с супругой Евдокией. Значительное событие. И долгий... очень долгий след. Подсчитано². Государь упоминается в семи томах романа восемнадцать раз. Чаще всего во втором – «Под сенью девушек в цвету». Восемь. Мало кто сомневается, что прототипом этого восточного правителя, приехавшего во Францию, искать «сходства» («affinités») со своей собственной страной (или, как чудесно перевел некогда это «affinités» Николай Любимов, «сродства душ»³), послужил русской царь. Николай II.

Какую степень сходства обнаружил русский государь в итоге, какими цифрами и чем измеренной, мы точно не знаем, никто пока не подсчитал, но вот одну «сродственную душу» – уже это точно. И ее носитель тоже упоминается в романе. У него нет красивого и многозначительного имени, выдуманного мастером созвучий Прустом. Но есть и должность, и род занятий. И потому мы его легко опознаем в одном коротком эпизоде. В рассказе дипломата Норпуа о встрече в театре с Феодосием.

¹ Там же. С. 335.

² <https://proust-personnages.fr/les-personnages-de-la-recherche/personnages/theodose/>

³ <https://www.litres.ru/book/marsel-prust/pod-senu-devushek-v-cvetu-23003404/chitat-onlayn/?page=3>

«В действительности, король обладает редкой памятью на лица, а равно добротой государя, который увидев меня в партере, тотчас же вспомнил, что некогда удостоил меня чести с ним видеться в продолжение нескольких дней в пору своего пребывания при баварском дворе, когда он еще не думал о своем восточном троне... Его личный адъютант явился ко мне объявить, что от меня с радостью примут приветствие Его Величеству, и это было приказание, которому я самым естественным образом поспешил подчиниться»¹.

Да. Личный адъютант Николая II. В ту пору капитан. Капитан генерального штаба Жанен. Пьер Тьебо Шарль Морис.

XXVI

Почему верных и преданных собак, стерегущий место, приходящих на могилы своих хозяев, живущих памятью и верой, зовут кабысдохами?

Может быть, потому что память самое больное место у человека?

¹ <https://beq.ebooksg gratuits.com/auteurs/Proust/xProust-03.pdf>